

(А. Пушкин. «Пиковая дама»)

Еще разительней метаморфоза, которой подвергся жизненный источник «Пиковой дамы».

Курьезный случай, ставший известным Пушкину, дал толчок к сюжетному замыслу, одному из самых глубоких в литературе той эпохи.

1

Пушкин сообщил своему другу П. В. Нащокину, что главная завязка «Пиковой дамы» не вымышлена. Молодой князь Голицын рассказал ему, как однажды он сильно проигрался в карты. Пришлось пойти на поклон к бабушке Наталье Петровне Голицыной, особе надменной и властной (Пушкин был с ней знаком), и просить у нее денег.

Денег она не дала. Зато благосклонно передала магический будто бы секрет трех выигрывающих карт, сообщенный ей знаменитым в свое время графом Сен-Жерменом. В аристократических кругах Франции он слыл чародеем, которому были открыты тайны черной магии.

— Попробуй,— сказала бабушка.

Внучек поставил и отыгрался.

— Позвольте,— возразит читатель.— Но ведь в «Пиковой даме» все обстоит наоборот. Германн выведал-таки у старухи графини секрет Сен-Жермена. Но ведь он не выиграл, а проиграл.

Да, верно. Однако психологией давно установлено, что бывают мысленные ассоциации и по сходству, и по

контрасту. Финал пушкинской повести совсем не походил на радужный конец карточного приключения Голицына. Но в его хвастливом рассказе Пушкин уловил сюжет. Вернее, зерно сюжета, остов, который легко облекался живой плотью человеческих характеров и отношений.

Из светского анекдота в пушкинскую повесть перешли два главных действующих лица: картежник и знатная старуха, владеющая волшебной тайной.

Ни тот, ни другая не вызывают сочувствия автора. О старой графине сказано, что она «не имела злой души...» Что это сказано иронически, видно из продолжения фразы: «...но была своенравна, как женщина, избалованная светом, скупа и погружена в холодный эгоизм...» Она принимала у себя «весь город». Но с нескрываемым высокомерием, «не узнавая никого в лицо».

Может быть, она относится лучше к своей воспитаннице Лизавете Ивановне? Напомню читателю одну страницу повести.

Графиня велит Лизе распорядиться, чтоб закладывали карету для прогулки. Воспитанница встает из-за пяльцев, поспешно приводя в порядок свою работу.

«— Что ты, мать моя! глуха, что ли! — закричала графиня. — Вели скорей закладывать карету.

— Сейчас! — ответила тихо барышня и побежала в переднюю».

В это время графине приносят обещанные ее внуком Томским романы.

«— Лизанька, Лизанька! да куда ж ты бежишь?

— Одеваться.

— Успеешь, матушка. Сиди здесь. Раскрой-ка первый том; читай вслух...»

Лиза приступает к чтению.

«— Громче, — сказала графиня. — Что с тобою, мать моя? с голосу спала, что ли?...»

Лиза читает дальше. Графиня зевает от скуки.

«— Брось эту книгу... что за вздор!.. Да что ж карета?»

Воспитанница сообщает, что карета готова.

«— Что ж ты не одета? — сказала графиня. — Всегда надобно тебя ждать! Это, матушка, несносно».

Лиза бежит в свою комнату переодеваться. «Не про-

шло двух минут, графиня начала звонить изо всей мочи». Вбегают сразу же три горничные и камердинер. Графиня гневается:

«— Что это вас не докличешься?.. Сказать Лизавете Ивановне, что я ее жду».

Входит Лиза в капоте и шляпке — новый повод для выговора.

«— Что за наряды! Зачем это?.. кого прельщать?.. А какова погода? — кажется, ветер».

Камердинер почтительно докладывает, что безветренно и тихо.

«— Вы всегда говорите наобум! Отворите форточку. Так и есть: ветер! и прехолодный! Отложить карету! Лизанька, мы не поедем: нечего было наряжаться».

«И вот моя жизнь! — подумала Лизавета Ивановна. Уколы и попреки по любому поводу, изо дня в день. Мелкая, но непрерывная тирания».

А Германн? «Лицо истинно романическое», как изысканно выражается о нем Томский. Симпатизирует ли ему Пушкин?

К словам Томского он добавляет от себя: «благодаря новейшим романам это, уже пошрое, лицо». Пушкин знал истинную цену напускному романтическому позерству.

Германн обуреваем жадой обогащения — такова его главная черта. Под сильным впечатлением от рассказа Томского о секрете Сен-Жермена он предается необузданным мечтаниям: «Что, если старая графиня откроет мне свою тайну! — или назначит мне эти три верные карты!»

Лихорадочно перебирает он в уме все возможности.

«Представиться ей, подбиться в ее милость...» Но вот уже шесть десятков лет графиня ревниво хранит драгоценный секрет, скрывая его даже от родного внука.

Новая мысль рождается в распаленном мозгу Германна: «Пожалуй, сделаться ее любовником...»

Любовником старухи под девяносто лет... Чудовищное, противоестественное намерение! Но Германна оно не пугает: он готов на все. Хладнокровно он обдумывает последний план. Возникает опасение: «Но на это все

требуется время — а ей восемьдесят семь лет, — она может умереть через неделю, — через два дня!..»

Вот что страшит Германна: графиня унесет драгоценную тайну с собой в могилу.

Кто же привлекает симпатии автора (и, разумеется, читателя)?

Только Лиза, только бедная воспитанница.

В 30-х годах, после окончания своего гениального «романа в стихах», Пушкин все чаще выходит за пределы жизненной среды «Евгения Онегина». На страницах пушкинской прозы появляются гробовщик, стационарный смотритель, кузнец Архип, дядька Савельич, захоластные офицеры, солдаты-инвалиды. В «Медном всаднике» на первом плане две трагические жертвы наводнения — Евгений и Параша.

Парашу мы не видим. Но ее «домишко ветхий» красноречиво говорит о житье-бытье городских низов. К ним принадлежит и Евгений.

О чем же думал он? о том,
Что был он беден. . .

Пушкина томили злосчастия маленьких, сирых людей, их придавленность и нужда.

Лиза, можно сказать, родная сестра Евгения. «Горек чужой хлеб, говорит Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца, а кому и знать горечь зависимости, как не бедной воспитаннице знатной старухи?.. Лизавета Ивановна была домашней мученицею».

В ее обязанности входило разливать чай, и за лишний расход сахара она получала выговоры. Читая вслух, она «виновата была во всех ошибках автора». Во время прогулок «отвечала за погоду и за мостовую».

Жалованье ей не доплачивали. Но графиня требовала, чтоб она была одета «как и все, то есть как очень немногие». В кругах высшего света, куда Лиза сопровождала графиню, «играла она самую жалкую роль. Все ее знали и никто не замечал. . .» Мудрено ли, что, «оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она ушла плакать в бедной своей комнате. . .»

Без Лизы не сложился бы самый сюжет повести.

У нас нет никаких данных о творческой истории «Пиковой дамы». Но можно наметить пунктиром предположительный путь развертывания сюжета.

Центральная пружина сюжета — тайна выигрывающих трех карт, сообщенных графом Сен-Жерменом. Это — и только это — заимствует Пушкин из светской болтовни Голицына. Но утешительный рассказец о том, как благодетельная бабушка спасла внука от крупного проигрыша, Пушкина нисколько не увлек. По-видимому, такой оборот событий показался ему малоинтересным.

Германн и графиня ни в каком родстве не состоят. Между ними непроходимая сословная пропасть. Германн — военный инженер, не больше. Правда, он далеко не беден: к первой игре с Чекалинским он приходит с 47 тысячами рублей. Сумма значительная. Но Германн хорошо знает, что такие средства не могут приблизить его к кругу высшего света.

Евгений из «Медного всадника» думает о себе:

Трудиться день и ночь готов;
Уж кое-как себе устрою
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокою.

А Германн страстно стремится от зеленого карточного стола молниеносно взлететь вверх по имущественной лестнице. Одним прыжком перескочить преграду, отделяющую его от столичной знати.

Двери дома графини для него закрыты. Задумывая «Пиковую даму», Пушкин стал перед вопросом: как выстроить сюжет, чтобы Германн мог с глазу на глаз встретиться с неприступной владелицей манящей тайны?

Возникает образ юной воспитанницы. Она может как-то связать столь далеко отстоящих друг от друга Германна и графиню.

Для Лизы Германн — таинственный влюбленный, ежедневно простаивающий под ее окнами, чтобы ловить ее мимолетный взгляд.

Для Германна Лиза лишь орудие тщательно обдуманного замысла: проникнуть в спальню графини.

Влюбленность его — мнимая. Лживая игра, притворство.

Так образуется костяк сюжета.

В одной из сказок Перро жен рыцаря, носящего странное имя Рауль Синяя Борода, одну за другой постигает смерть от его мстительной руки. Уезжая в поход, рыцарь строго-настрога запрещает пользоваться ключом от одной из комнат замка. Ключ запретный, на него наложено табу.

Но любопытство превозмогает страх. Ослушницы отворяют запретную дверь — и погибают.

В «Пиковой даме» роковой поворот событий также связан с ключом. Лиза посылает его Германну, назначая ему ночное свидание. Чтобы добраться до комнаты Лизы, нужно пройти через спальню графини. Ключ, открывающий Германну доступ в ее покои, как бы распаивает двери губительному смерчу, втягивающему в свой водоворот всех трех главных персонажей повести.

Первой жертвой падает графиня.

Германн не намерен убивать ее: его пистолет даже не заряжен. Но он полон решимости любыми насильственными средствами выведать тайну.

Когда графиня отказывается ему ответить, он на коленях умоляет ее: «...откройте мне вашу тайну! — что вам в ней?..» Не только его дети, но и внуки и правнуки, обещает Германн, будут благословлять ее память, чтить, как святыню.

Графиня молчит. Что ж, мольбы не помогли? Помогут угрозы.

«— Старая ведьма! — сказал он, стиснув зубы, — так я ж заставлю тебя отвечать...»

С этим словом он вынул из кармана пистолет».

Могла ли почти девяностолетняя старуха выдержать внезапное вторжение ночью незнакомого человека, угрожающего ей смертью? При виде наведенного пистолета она «подняла руку, как бы заслоняясь от выстрела... Потом покатила навзничь... и осталась недвижима».

Германна это нисколько не тронуло, не обеспокоило. Он продолжает грубо настаивать: «— Перестаньте ре-

блещит. . . Спрашиваю в последний раз: хотите ли назначить мне ваши три карты? . . .»

Тут только он убеждается, что перед ним распростерт труп.

Но Германн «не чувствовал угрызания совести при мысли о мертвой старухе. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, от которой ожидал обогащения».

В водоворот втянута и Лиза.

Вначале она не поддается ухаживаниям инженерного офицера. Девушка выбрасывает в окошко под ноги незнакомца первое его письмо, насильно всунутое ей в руки, когда она садилась с графиней в карету. Во втором письме, доставленном продавщицей из модной лавки, незнакомец дерзко требует свидания. Лиза разрывает письмо в клочки. Ее пугает и требование и способ, каким Германн домогается встречи.

И все же неопытная девушка попадает в сети. Настойчивость Германна она принимает за признак сильной, беззаветной любви. Каждый день получает его письма. В них выражается «непреклонность его желаний». Лизавета Ивановна «уже не думала их отсылать: она упивалась ими». Больше того, она «стала на них отвечать,— и ее записки час от часу становились длиннее и нежнее».

Не проходит и трех недель, и Лиза дает согласие на свидание человеку, с которым даже не промолвила ни слова, «не слышала его голоса».

По случайному совпадению именно в этот вечер Томский, танцуя на балу мазурку с Лизой, прозрачно намекает на ее «пристрастие к инженерным офицерам», упоминает Германна и даже прибавляет, что тот «сам имеет виды» на Лизу.

Называя Германна лицом «истинно романическим», он подкрепляет свои слова эффектным сравнением: «у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля».

«Портрет, набросанный Томским, сходствовал с изображением, составленным ею самою. . .» И это лицо «пугало и пленяло ее воображение».

Наступил миг первого свидания. «Она затрепетала. . .» Что ж она слышит вместо ожидаемых пылких любовных слов?

Германн сообщает, что он был сейчас в спальне графини. Она умерла. «И кажется, я причиною ее смерти». Он сообщает обо всем, что случилось. «Лизавета Ивановна выслушала его с ужасом. Итак, эти страстные письма, эти пламенные требования, это дерзкое, упорное преследование, все это было не любовью!»

Что же скрывалось под маской любви? «Деньги, — вот чего алкала его душа!» А Лизу Германн превратил в «слепую помощницу» убийства. «Горько заплакала она в позднем, мучительном своем раскаянии». Молча смотрит на нее Германн; «ни слезы бедной девушки, ни удивительная прелесть ее горести не тревожили суровой души его».

Правда, случившееся не погубило Лизу. В последних строчках повести сообщается даже, что она «вышла замуж за очень любезного молодого человека».

Все окончилось благополучно, не так ли?

Но вдумаемся в слова «очень любезный молодой человек» — ведь в пушкинской прозе каждое слово взвешено. Оно — единственное: его нельзя заменить синонимом.

«Любезный»... Значит ли это, что Лизин муж человек добрый, душевный, чуткий? Нисколько. Оно означает только, что он — человек обходительный, умеющий держать себя в обществе и даже нравиться.

Есть ли здесь хотя бы малейший намек на любовные чувства со стороны Лизы, со стороны ее жениха? Нет. Лиза вышла замуж не по любви, — внимательному читателю это ясно.

Душа Лизы надломлена жестоким обманом Германна.

3

Жертвой своей пагубной страсти, жертвой «золотого кумира» падает и Германн.

Финал происходит в барской квартире Чекалинского, превращенной в игорный дом. Раньше Германн просиживал там ночи, следя за карточной игрой, ни разу не став ее участником. Теперь он явился сюда, уверенный, что наступил долгожданный час триумфа. Ведь сама графиня, явившаяся к нему ночью после похорон в виде

привидения (то ли это сон, то ли галлюцинация), назвала ему вождеденные три карты: тройка, семерка, туз.

Сам хозяин мечет банк. Играет в штос.

Из рассыпанной на столе колоды карт игроки («понтеры») выбирают ту, на которую ставят. Другая колода в руках банкюмета: он мечет карты направо и налево. Если выбранная карта падает направо, выигрывает банкюмет. Если налево — понтер.

Германн выписывает мелом на своей тройке сумму ставки. Обычно так и делается. Но Германн надписал: «47 000». Такой громадной суммой еще никто не рисковал. «Все головы обратились мгновенно, и все глаза устремились на Германна». «Он с ума сошел!» — подумал один из завсегдатаев.

Чекалинский учтиво просит поставить на карту наличные деньги. Германн исполняет его просьбу.

Тройка легла налево. Германн выиграл.

«Между игроками поднялся шепот. Чекалинский нахмурился...» Но вынул из кармана деньги и расцелся.

На другой день Германн вновь появляется у игорного стола. Он удваивает ставку («загибает угол», «пароли», как выражаются игроки). Уже 94 тысячи лежат на выбранной им карте.

Чекалинский мечет. «Валет выпал направо, семерка налево».

Германн открыл семерку.

Все ахнули. Чекалинский заметно смутился. Все же аккуратно отсчитал выигрыш, и Германн хладнокровно удаляется со 188 тысячами.

В третий вечер все ожидают появления Германна. «Генералы и тайные советники оставили свой вист, чтоб видеть игру, столь необыкновенную». Другие соскочили с диванов. Забыв свои поминутные обязанности, официанты столпились в гостиной. «Все обступили Германна».

У стола Чекалинского никто из игроков не поставил карты. Все с нетерпением ждали, чем кончится невиданная карточная дуэль Германна и банкюмета.

Чекалинский бледен, но улыбается как обычно.

Германн снова «загнул угол» («пароли-пё» — по терминологии игроков) в полной уверенности, что, поставив на туза, он выиграет в третий раз.

Свою карту Германн накрыл кипой банковых билетов.

«Глубокое молчание царствовало кругом.

Чекалинский стал метать, руки его тряслись. Направо легла дама...» А налево?

Налево лег туз!

Германн на вершине удачи. Сейчас он станет обладателем колоссальной суммы — 376 тысяч.

«— Туз выиграл! — сказал Германн и открыл свою карту.

— Дама ваша убита, — сказал ласково Чекалинский».

Вместо триумфа — крах! Что же произошло?

Думая невольно о графине, наградившей его секретом Сен-Жермена, Германн вместо туза взял из колоды даму. Даму пик.

Сказалось громадное психическое напряжение последних дней: роковым образом Германн сам перепутал карты и проиграл все.

Объятый страхом, смотрит он на пиковую даму. «Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обернуться». Ему мерещится, что пиковая дама «прищурилась и усмехнулась». И — самое страшное! — необыкновенно похожа на старую графиню.

«Старуха! — закричал он в ужасе». Германн уже во власти безумия.

Он попадает в сумасшедший дом, где непрестанно бормочет: «Тройка, семерка, туз!.. Тройка, семерка, дама!..»

Из забавной истории, порхавшей по светским салонам, выросла трагическая повесть глубокого этического смысла. Об испепеляющем, тлетворном могуществе золота.

Тема «Пиковой дамы» — губительная сила «золотой лихорадки». Как эта тема, так и сюжет «Пиковой дамы» имеют мало общего с фамильным анекдотом голицынского княжеского дома.

И все же без истории с тремя картами не было бы «Пиковой дамы».

А. Н. Толстой утверждал: «Удачно найденный сюжет

организует,— иногда мгновенно, буквально в несколько секунд, будто капля какого-то едкого реактива,— все хаотическое нагромождение мыслей и наблюдений и знания».

За загадочным графом, за окутанными тайной магическими картами, открывающими путь к богатству, высились зловещей тенью таинственные, непознанные, непреоборимые силы, которые господствуют над участью человека в денежном обществе.

Е · Д · О · Б · И · Н

**СЮЖЕТ
И
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

*СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1976*